

рому не имеют никакого отношения слова о заказе Бориса, имеющиеся в «Повести». Таким образом, были поставлены под сомнение существование «Летописца княжения Тверского» и, поскольку устанавливалось, что текст 1399—1402 г. является позднейшей вставкой, принадлежность «Повести о Плаве» к этому «Летописцу».

В этой статье, однако, не рассматривались те аргументы Шахматова—Насонова в пользу однородности текста 1402 г. с текстом 1403—1455 гг., которые основывались на сопоставлении их между собой. А. Н. Насонов приводит их два: сходство известия 1455 г. с «Предисловием Летописца» и сходство с последним известий 1408 г., т. е. «Повести о Плаве» и прилегающих к ней известий.⁶

Но эти сходства могут говорить об однородности с текстом 1402 г. только известий этих (1408 и 1455) лет, а не всего материала 1403—1455 гг. Прежде чем принять аргументы А. Н. Насонова, надо доказать, что текст 1403—1455 гг. сам по себе однороден, пронизан одними и теми же политическими тенденциями, т. е. не представляет собой позднейшей компиляции из различных летописных сводов. Между тем Я. С. Лурье показал, что это скорее компиляция. Известие 1455 г., содержащее величание Бориса, тождественное с употребляющимися в борисовской «Повести о Михаиле» — тексте 1402 г., бесспорно восходит к своду Бориса. Но указанные Я. С. Лурье известия 1446—1447 гг., противоположные по своей политической тенденции как тексту 1402 г., так и «Слову инок Фомы», враждебные Борису Александровичу, не могли восходить к его своду; не могли восходить к нему и известия 1441 г.⁷ Я. С. Лурье сделал вывод: «При создании остальных (кроме «Повести о Михаиле» Тв. сб., — Б. Д.) частей более поздней редакции летописи (т. е. более поздней, чем редакция 1455 г., — Б. Д.) в основном была использована летопись, не связанная с Борисом; летопись Бориса могла быть привлечена только в отдельных местах».⁸ Этот вывод не был настолько обоснован, чтобы можно было считать его доказанным по отношению ко всему материалу Тв. сб. 1403—1455 гг., но во всяком случае после работы Я. С. Лурье и вышеуказанные аргументы А. Н. Насонова оказались лишними силы как для доказательства однородности текста 1402 г. со всем текстом 1403—1455 гг., так и для доказательства однородности самого текста 1403—1455 гг.

Таким образом, теперь перед нами стоит вопрос только о том, является ли «Повесть о Плаве» третьей (после «Повести о Михаиле» Тв. сб. и известия 1455 г.) вставкой, сделанной компилятором из свода Бориса, или нет.

Аргумент А. А. Шахматова о сходстве выражений в текстах 1402 г. («Предисловие Летописца») и 1408 г. («Повесть о Плаве») Я. С. Лурье пытался поставить под сомнение. Действительно, о каждом из совпадающих выражений в отдельности нельзя сказать, что они «очень редки и встречаются только у одного автора».⁹ Но этот довод бессилен перед тем обстоятельством, что А. А. Шахматов и А. Н. Насонов (дополнивший перечень) указывают на целую сумму совпадений, какая может встретиться только у одного автора.

⁶ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 10, стр. 745—746.

⁷ Я. С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. — Ученые записки ЛГУ, № 36, 1939, стр. 97—98 (и прим. 1 на стр. 98), 100—101.

⁸ Там же, стр. 98.

⁹ Там же, стр. 97, прим. 1.